

УДК 902/904

АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

Н. В. Лобанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В данной статье приведена попытка сравнительного анализа одного из базовых и самых интересных образов древнего наскального искусства (людей и человекоподобных существ), запечатленных на скалах Карелии, Кольского полуострова, Норвегии и Швеции. Изображения свидетельствуют о богатом духовном мире человека, обитавшего на Севере Европы 7–3 тысячи лет назад. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с их хронологическими особенностями, стилистикой и смысловым содержанием. Автор вводит в научный оборот новые петроглифические материалы, полученные на территории Карелии за последние 10–15 лет.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наскальное искусство, антропоморфные образы, Северная Фенноскандия, Онежские и Беломорские петроглифы, Канозеро, Альта, Немфорсен.

N. V. Lobanova. ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN THE ROCK ART OF NORTHERN FENNOSCANDIA

This paper is an attempt to perform comparative analysis of one of the basic and most intriguing images of ancient rock art (humans and human-like creatures) portrayed on rocks of Karelia, Kola Peninsula, Norway and Sweden. These images are an indication of the rich spiritual world of the people who had inhabited Northern Europe 7-3 Ka BP. We consider important problems of their chronology, style and meaning. The author introduces new petroglyphic materials collected from the territory of Karelia over the past 10-15 years into the scientific discourse.

Key words : rock art, anthropomorphic images, Northern Fennoscandia, Onega and White Sea petroglyphs, Kanozero, Alta, Nämforsen.

Наскальные изображения – очень сложный для понимания вид исторических источников, который, в частности, отражает определенные грани мировоззрения древних обществ. На территории Северной Фенноскандии можно выделить пять крупных и наиболее значимых для науки концентраций наскальных изображений: Республика Карелия (восточное побережье Онежского озера, низовья р. Выг), южная часть Кольского полуострова (оз. Канозеро, расширение р. Умба), северная Норвегия

(Финмарк, Альта-фьорд), северо-восточная Швеция (Немфорсен, р. Онгерманельвен). Они отделены друг от друга существенными расстояниями – более тысячи километров между крайними южной и северной точками и свыше 700 км между восточным и западным пунктами, расположенными на одной широте (рис. 1). Время существования этих памятников в целом определяется эпохой неолита – раннего железного века. Длительность традиции наскального искусства (в 3,5–4 тыс. лет) особен-

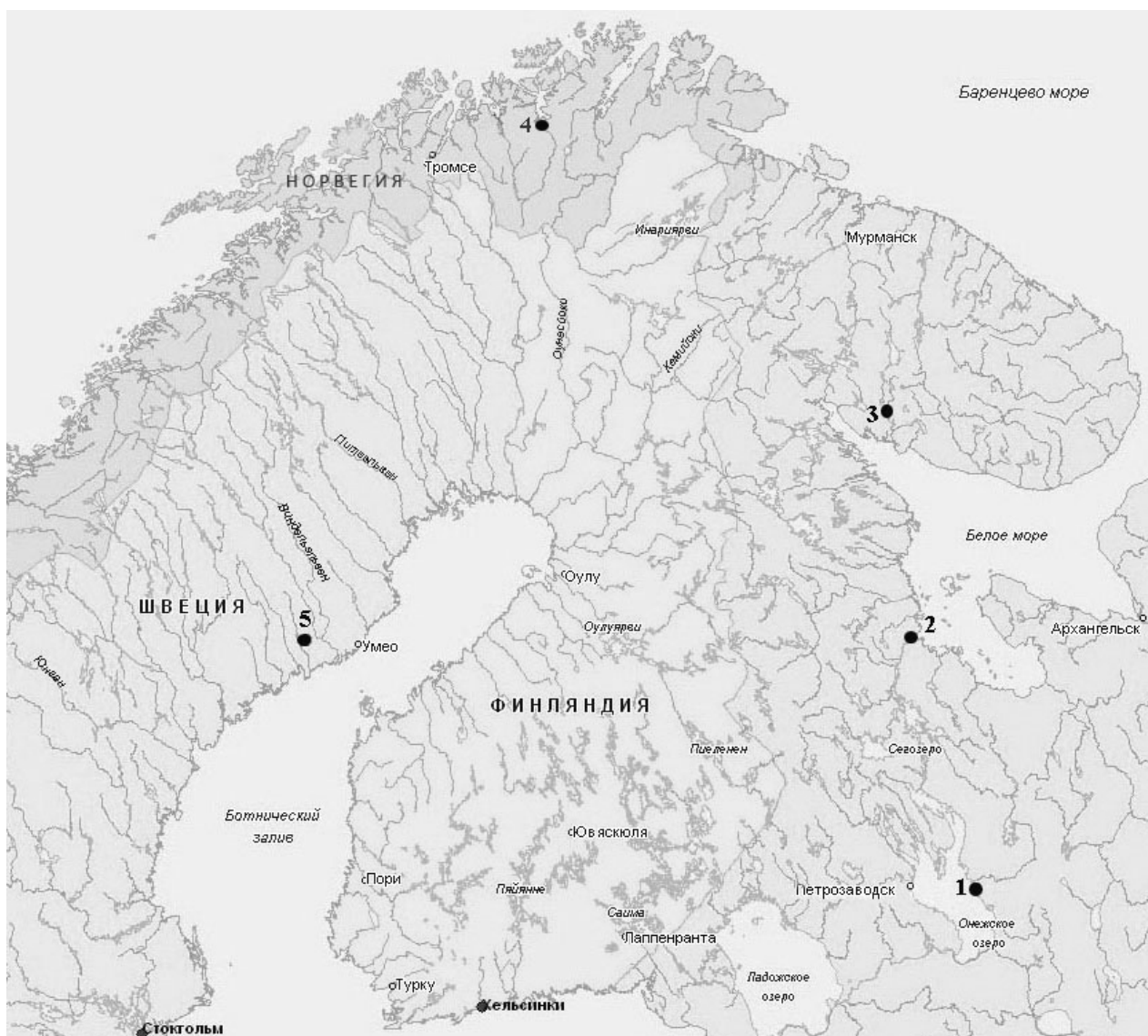

Рис. 1. Местоположение памятников наскального искусства Северной Фенноскандии: 1 – Онежские петроглифы; 2 – Беломорские петроглифы (низовья р.Выг); 3 – петроглифы Канозера; 4 – петроглифы Альты; 5 – петроглифы Немфорсена

но характерна для Альты и Канозера [Helskog, 1988; Колпаков, Шумкин, 2012], примерно три тысячи лет функционировали петроглифы Немфорсена [Forsberg, 2000. P. 58]. Хронологические рамки наскальных изображений Карелии намного уже – они ограничиваются эпохой неолита (скорее всего, существовали менее тысячи лет) [Лобанова, 2007, 2010]. Разнообразие образов, сюжетов и способов выбивки говорят о культуре населения, которое занималось охотой, рыболовством, собирательством, строило жилища и лодки разных конструкций, изготавливало глиняную посуду, орудия труда, а также практиковало религиозные обряды, происходившие, по всей вероятности, непосредственно на территории наскальных комплексов.

Каждому локальному очагу наскального искусства Северной Фенноскандии присущи индивидуальные особенности, в то же время имеются и сходные черты. Сходство продиктовано, прежде всего, близкими природными условиями и хозяйственными занятиями. Можно говорить и о близости системы восприятия окружающего мира людьми на этой обширной территории. На всех рассматриваемых нами памятниках круг базовых образов в общем схож: животные (лесные и морские), птицы, люди, лодки, знаковые формы. Своеобразие обусловлено временем создания, идеологическими и эстетическими предпочтениями, техническими приемами и художественной манерой, а также уровнем мастерства древнего художника. Образцы наскального творчества За-

полярья (Альта, Канозеро) по многим показателям демонстрируют большую степень близости между собой, чем с карельскими памятниками [Колпаков, 2007. С. 18–19]. Вместе с тем прослеживается явная линия культурных контактов и влияний между населением, выбивавшим и почитавшим наскальные рисунки по р. Выг и на восточном побережье Онежского озера. Данный вывод подтверждается и совсем свежими открытиями, сделанными в этих местах [Лобанова, 2010. С. 18–19; Георгиевский, Лобанова, 2012].

История изучения рассматриваемых нами наскальных рисунков насчитывает не менее трех сотен лет и еще не закончена. Совершенствуются методы поиска и документирования, в результате почти ежегодно пополняется корпус петроглифических источников, уточняются данные об их природном и культурном контексте. За последние два с половиной десятилетия открыты и исследованы такие крупные скопления петроглифов, как Кофьорд в Норвегии и Канозеро на Кольском полуострове, Лебединый Нос на Онежском озере. Целенаправленные усилия карельских археологов позволили уже в нынешнем столетии пополнить сведения почти обо всех группах петроглифов Карелии и выявить новые группы. Возросший корпус источников повышает исследовательский потенциал, дает определенную возможность более глубокого и полного анализа и понимания актуальных вопросов, связанных с хронологией, стилистическими особенностями и смысловым содержанием этого столь своеобразного и во многом уникального «окна» в духовную жизнь обществ охотников-рыболовов-собирателей.

На большинстве памятников наскального искусства мира присутствуют антропоморфные изображения. Они устойчиво существуют в различные эпохи, являясь одним из важных мотивов и, пожалуй, самым интересным, поскольку такие фигуры чрезвычайно разнообразны, часто необычны, с элементами фантазии, гиперболизации или стилизации. Семантику их очень трудно распознать, если вообще когда-либо удастся это сделать. Более понятными нам кажутся реалистические фигуры людей и композиции с их участием, почти всегда отражающие самые напряженные, кульминационные охотничьи моменты, особенно типичные для Беломорья и в значительно меньшей степени, но все же свойственные памятникам наскального искусства и других территорий – Канозеро, Альта, район Бесова Носа.

В той или иной степени антропоморфные персонажи, выбитые на скалах Северной Европы, подвергались описанию и анализу [Hallström,

1938, 1960; Савватеев, 1970, 1973; Helskog, 1988; Poikalainen, 2000; Rajupuu, 1990; Simonsen, 2000; Forsberg, 2000; Stolyar, 2000; Жульников, 2006; Lahelma, 2008]. В трудах исследователей представлены различные варианты интерпретации образов людей и человекоподобных существ, в основе которых, как правило, лежит этнографический и мифологический подход. Сведения о верованиях саамов XVII–XVIII вв., эпос «Калевала», записанный в XIX в., нередко служили источниками для интерпретации петроглифов Карелии [Линевский, 1939; Лаушкин, 1967, 1969]. Однако если данный метод и может быть в какой-то мере использован для памятников наскального искусства позднего времени (эпохи железа и Средневековья), то когда речь идет о неолитическом и энеолитическом времени, этнографический контекст вряд ли поможет. Кроме того, зачастую осмысление и истолкование изображений базируется на неточной источниковой базе, что уводит мысль исследователя совсем не в ту сторону. В этой связи одна из первоочередных задач – точное и детальное документирование петроглифов с помощью современных комплексных приемов: изготовление адекватных подлиннику копий (в том числе рельефных) и вербальных описаний, фотофиксация, создание электронных баз данных, публикация полных каталогов памятников [Лобанова, 2010].

Перейдем к конкретному рассмотрению имеющихся по нашей теме материалов.

Петроглифы Онежского озера, впервые открытые для науки еще в середине XIX в. [Grewingk, 1855; Равдоникас, 1936], сосредоточены на гладких скальных плоскостях мысов и островов восточного побережья (всего 24 пункта), насчитывают около 1200 отдельных фигур. В их числе 1033 идентифицированы, остальные представляют собой неопределенные выбивки, включая фрагментированные. Доминируют орнитоморфные (изображения водоплавающих птиц); знаков (так называемые солнечные и лунные) – в 2,5 раза меньше, затем идут животные и на четвертом месте по количеству – антропоморфные фигуры. В данную статистику не включены схематические (в виде вертикальных столбиков) изображения людей в лодках, их более 200. Люди и антропоморфные существа – одна из самых поразительных и важных черт тематики памятника. На 2012 г. зафиксировано 93 изображения в 13 пунктах (как крупных, так и небольших), что составляет 9 % от общего числа идентифицированных выбивок [АКНЦ РАН, ф. 1, оп. 6]. Северные группы петроглифов, функционировавшие, судя по всему, в более позднее время, чем другие, таких фигур практически не содержат; они име-

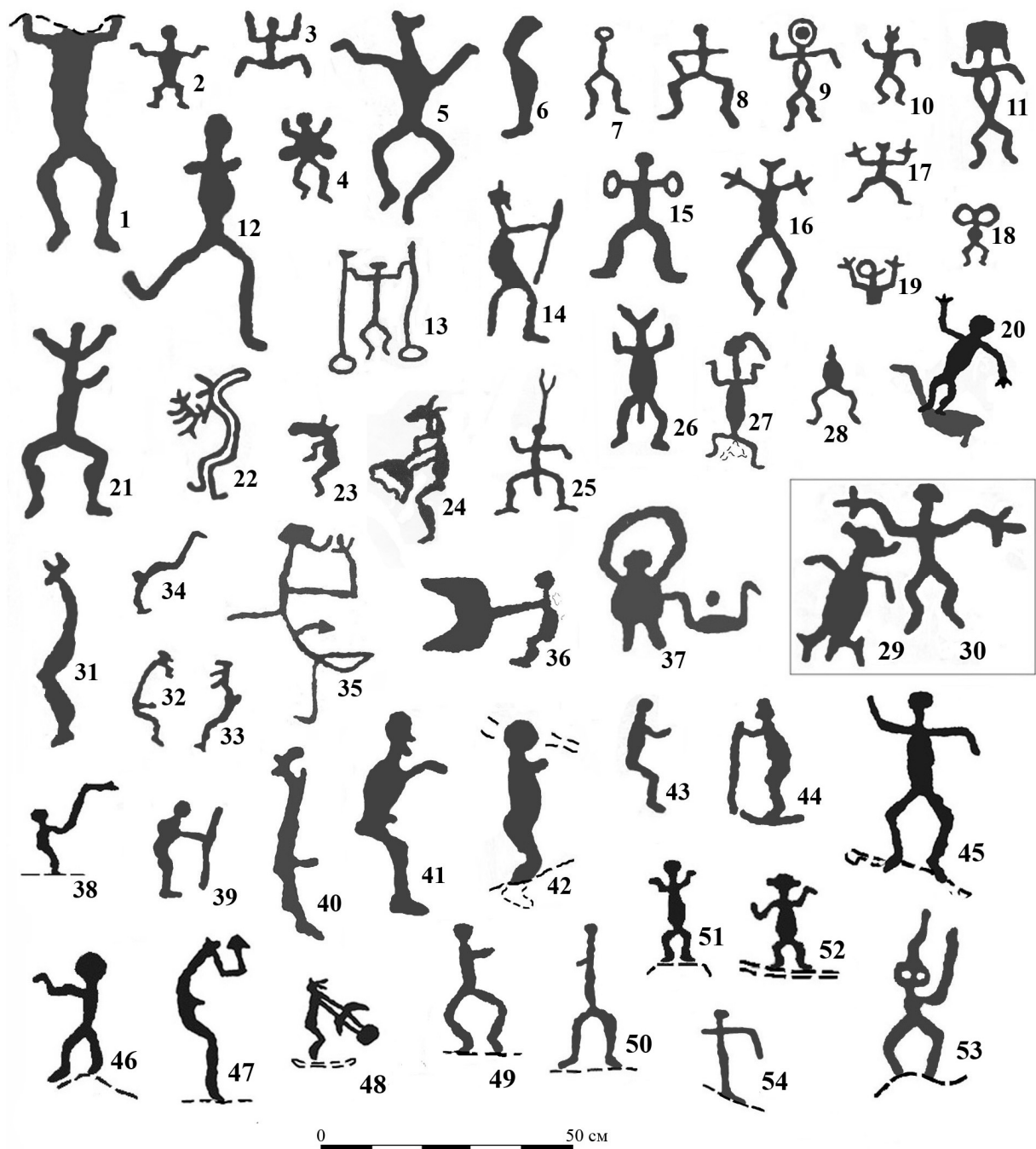

Рис. 2. Антропоморфные образы на скалах Онежского озера. Фиг. №№ 1, 5, 8, 12, 21, 34, 38, 41, 44, 49, 53–54 публикуются впервые. Прорисовки автора

ются только на Лебедином Носе [Poikalainen, Ernits, 1998]. Более половины фигур людей (49) сосредоточено на двух мысах – Пери Носе III и Карецком Носе.

Антропоморфные образы на скалах Онежского озера (рис. 2: 1–51; рис. 3: 1–2) различаются размерами (от 10 см до 2,5 м), способом показа – анфас или в профиль, выбивкой – сплошь или только по контуру (такие фигуры крайне редки, иногда встречаются отдельные контурные элементы – голова или туловище),

наличием или отсутствием дополнительных атрибутов в руках. Признаки пола подчеркнуты довольно редко: 16 фигур с фаллосами, у четырех обозначена женская грудь и одна, возможно, с вульвой. Самые редкие антропоморфные фигуры – это те, которые не имеют голов (2), нижней части туловища, обеих рук (10) или показаны с одной рукой (6). Несколько образов совмещают в себе сразу фас и профиль. В профиль изображено 42 человека, обычно небольших размеров – 18–30 см

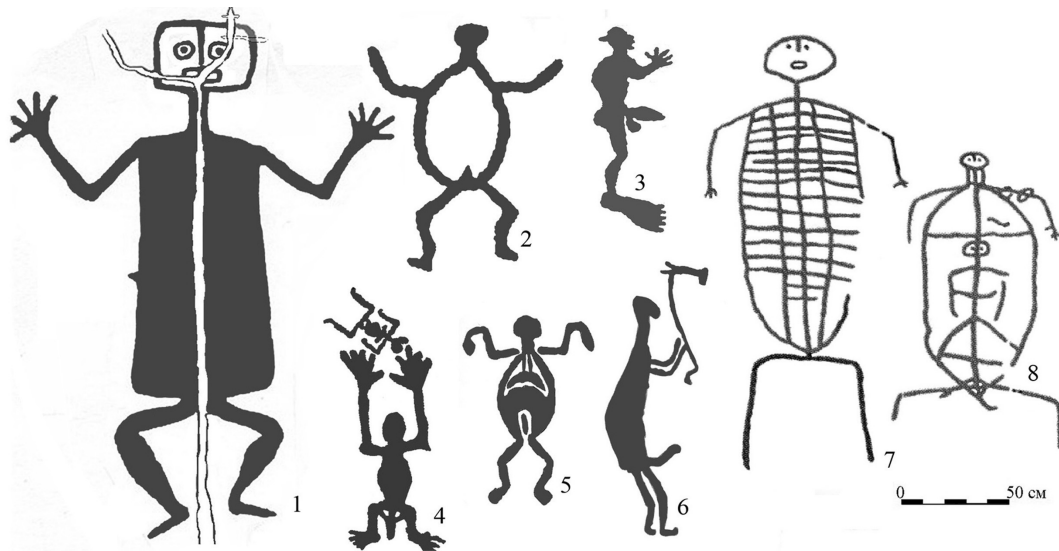

Рис. 3. Крупные антропоморфные образы: 1–2 – Онежское озеро; 3 – р. Выг; 4–6 – Канозеро; 7–8 – Альта. Фиг. №№ 1–3 – прорисовки автора; 5–6 – по [Колпаков, Шумкин, 2012]; 7–8 – по [Helskog, 1988]

(см. рис. 2: 38–44). Среди них как достаточно реалистические образы, так и сильно стилизованные, упрощенные, с нарушенными пропорциями, фантастические или усложненные, где сочетаются признаки человека и животного (лося), птицы (лебедя), а в одном случае это даже человек-лодка (см. рис. 2: 40).

Антропоморфные персонажи, особенно с рогами на голове или в звериной маске, чаще всего рассматриваются исследователями как мифические существа или люди, участвующие в тотемистических ритуалах. Отмечается также, что, возможно, рогатые фигуры указывают на более высокий статус таких персонажей [Helskog, 1988; Autio, 1998].

У профильных фигур нога обычно согнута в колене, показана ступня, часто сильно выделена икра. Большинство их – без половых признаков. Антропоморфных изображений, показанных анфас, несколько больше (54). Они тоже разнообразны, сильно варьируют в размерах – от 10 см до 2,5 м. Поза таких фигур весьма типичная – раскинутые в стороны руки и ноги, согнутые в локтях и коленях. Некоторые (общим числом 7) имеют одну руку, которая согнута в локте и поднята вверх, а другая, наоборот, согнута и опущена вниз. Аналоги имеются за пределами Карелии, например, в Альте, на Канозере. Преобладают изображения людей с поднятой правой рукой (7), и только одно имеет поднятую левую руку. У одиннадцати фигур подняты обе руки, лишь одна – с опущенными руками (близкие им аналоги представлены на Залавруге).

По-разному показаны и головы антропоморфных существ (см. рис. 2: 7–11, 35, 52–53): то круглые (9), то поперечно-овальные (6), то квадратные (3). Иногда вместо головы показаны два круга. Головы нескольких фигур имеют странные дополнения – отростки, направленные вниз или в стороны, иногда с загибом. Встречаются очень оригинальные образы: люди с рогами (3), с кружками или с так называемыми «жезлами» в руках (см. рис. 2: 10, 13–15, 25–26). Людей с непонятными предметами в руках 13 (см. рис. 2: 13–15, 24, 36, 38–39, 47–48). В одном случае это стержни (жезлы или веслообразные фигуры), в другом – кружки, иногда лунарный или солярный знаки. Имеется единственная фигура лыжника с палкой в руке (см. рис. 2: 44). Один раз выбито изображение ноги человека, согнутой в колене (см. рис. 2: 6). У некоторых фронтальных фигур выделен пол: обозначен фаллос, грудь, подчеркнут живот. Нередко на руках показано по три пальца (10 фигур) (см. рис. 2: 16–17, 19–20, 30, 35), что считается признаком сверхъестественных существ. То же самое можно увидеть на Залавруге, на р. Поной, среди наскальных образов Финляндии и Скандинавии. Интересно, что подобная деталь у антропоморфной фигуры, датируемой возрастом в 10–11 тыс. лет, недавно зафиксирована в Бразилии в пещере Lapa do Santo (см. http://www.nbcnews.com/id/46488427/ns/technology_and_science-science). Обращает на себя внимание и серия фронтальных антропоморфных образов, ступни которых упираются в трещины, что, безусловно, было сделано намеренно (см. рис. 2: 45–53).

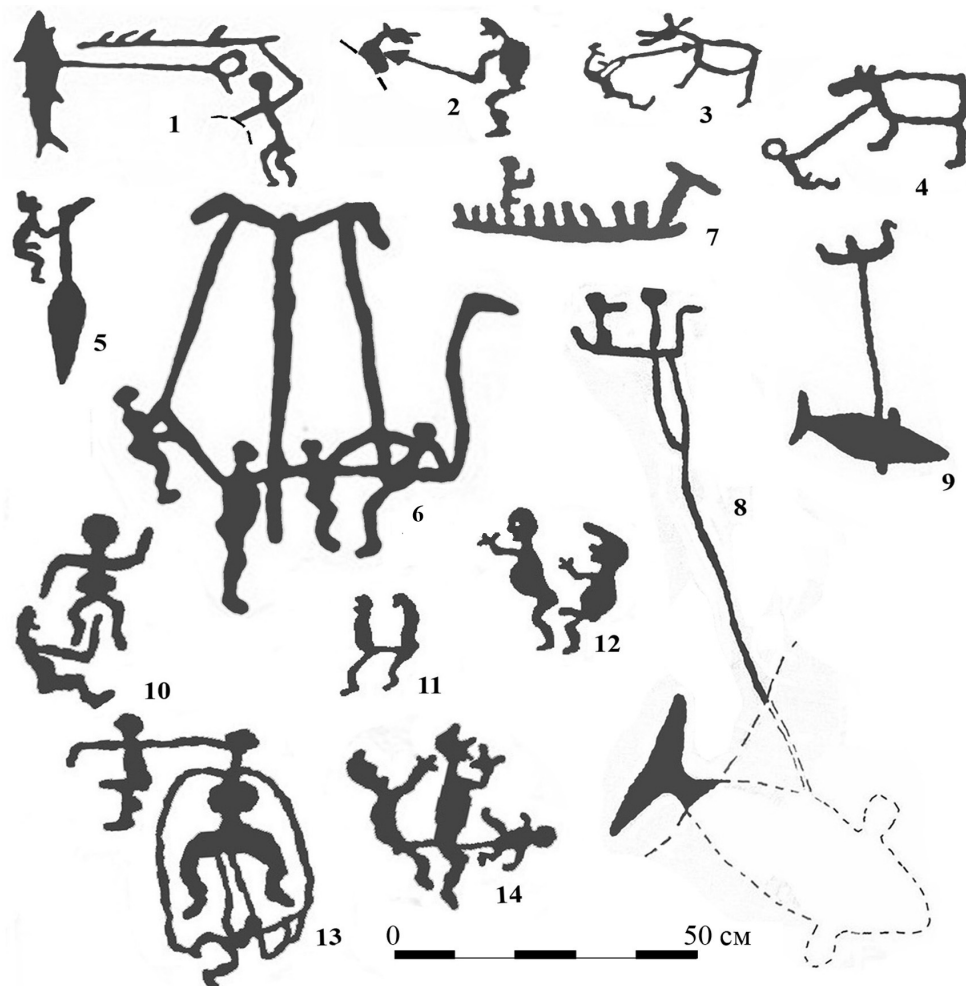

Рис. 4. Композиции онежского наскального комплекса. Прорисовки автора

Уникален так называемый Онежский Бес – гигантская силуэтная фигура геометризованных очертаний с пятью растопыренными пальцами рук, тоже связанная с трещиной (см. рис. 3: 1). Отдельные ее черты можно встретить, например, на Пери Носе III – среди небольших изображений с квадратной или подквадратной головой (см. рис. 2: 11). Этот образ вызывал особый интерес исследователей, стимулировал особенно оживленные дискуссии по поводу его семантики и времени появления [Bednarik, 1991]. Нет смысла вдаваться в детали предложенных гипотез и споров ввиду слабости аргументации, отметим лишь одну деталь фигуры Беса – по-разному обозначенные глаза, – на которой в последнее время чаще всего акцентируется внимание при интерпретации. Наличие «слепого» и «зрячего» глаза у Беса ведет некоторых исследователей к широким археологическим и мифологическим аналогиям, которые они с завидной легкостью находят в петроглифах Сибири и Северной Америки, в культуре многих малых народов Севера и т. д. [см., например, Жульников, 2006, с. 29–

31]. Однако достаточно внимательно изучить черты лица изображения, чтобы понять, что первоначально оба глаза у него были выбиты одинаково – в виде контурного кружка с широкой точкой посередине, как и у соседней гигантской фигуры налима. Правый глаз фигуры был намеренно испорчен металлическим инструментом намного позднее, в XX веке, уже, видимо, в после-революционное время. Наши наблюдения подтверждаются копиями, выполненными британским археологом М. Беркиттом в 1914 г. [Burkitt, 1921, табл. XLIII]. Другая крупная (явно женская) антропоморфная фигура, условно названная первооткрывателями Шальской Венерой, известна на мысе Лебединый Нос (см. рис. 3: 2). Она имеет аналогичную позу, но подокруглую голову и контурное яйцевидное туловище, т. е. весьма схематична. Пальцы на руках не обозначены.

Обращает на себя внимание очень небольшое количество композиций с участием людей; как правило, они имеют отношение к теме продолжения рода (рис. 4: 10–14). Две сцены совокупления найдены на Карецком Носе и Пери Но-

се. Первая крайне условная, у людей даже руки не обозначены. Вторая гораздо более реалистическая и живая. То, что ее участники не обычные люди, подчеркивается тремя пальцами на руках. Аналогичные сюжеты изредка встречаются и на беломорских скалах (Ерпин Пудас III и на безымянном островке, группа 4), а также в числе петроглифов Кольского п-ова. На Эрмитажной скале (мыса Пери Нос III) имеются две очень любопытные сцены деторождения и еще одна, трактуемая многими исследователями как процесс дефлорации (см. рис. 4: 10). Аналогов двум первым композициям нет среди петроглифов Беломорья, тогда как третья имеет близкие параллели на Старой Залавруге (рис. 5: 31).

Отметим еще уникальную многофигурную сцену на полуострове Кочковнаволок, где четыре человека, выбитых в профиль, несут большую и странную конструкцию, увенчанную головами лебедей (рис. 4: 6).

Промысловые сцены в онежском наскальном комплексе редки – всего четыре, но все они довольно выразительны: одна запечатлела ловлю с помощью гарпуна крупной рыбы из породы осетровых, которая сейчас не водится в озере, охоту с лодок на белуху, остальные связаны с охотой на волка, медведя и лося с применением копий (рис. 4: 1–4, 8–9). Такое оружие, как лук со стрелами, отсутствует. Примечательно также, что отражена только индивидуальная охота, больших коллективных композиций, столь характерных для Беломорья и Канозера, здесь нет. Представляет интерес и бесспорная композиция (вряд ли охотничьего характера, скорее отражающая какой-то значимый мифологический сюжет) с участием человека и животных, запечатленная в темно-сером пятне на мысе Пери Нос III, включающая пять фигур. Исследователями она трактуется весьма неоднозначно, различия есть даже в определении некоторых фигур животных [Линевский, 1939; Лаушкин, 1959, 1962].

Петроглифы Беломорья стали научным достоянием благодаря исследованиям А. М. Линевского, В. И. Равдоникаса и Ю. А. Савватеева [Линевский, 1939; Равдоникас, 1938; Савватеев, 1970]. Расположены отдельными группами на больших и малых островах в дельте р. Выг (всего 11 пунктов), многие из них изображают антропоморфными образами. В целом их свыше 350 среди более двух с половиной тысяч идентифицированных петроглифов (14 % от общего числа). Если же иметь в виду экипажи лодок в количестве 1140, то таких мотивов получится более 50 %. Залавруга (Старая и Новая) вместе образуют крупнейшее и одно из самых интересных скоплений наскальных изображений в Северной Европе. Они выделяются

не только обилием рисунков, но и широтой тематики, яркими художественными достоинствами наскальных полотен. Предполагается, что здесь находился долговременный центр духовной жизни неолитического населения, где происходили наиболее важные события. По мастерству исполнения многие петроглифические композиции Залавруги являются бесспорными шедеврами мирового наскального искусства, в особенной степени сцены с участием людей.

Вместе с тем изображения людей на беломорских скалах не столь разнообразны и загадочны, как на Онежском озере (хотя единичные фигуры с зооморфными признаками представлены, рис. 5: 4–6). Они за редким исключением профильные, небольшого размера (10–20 см), на полусогнутых или (редко) на прямых ногах, но удивительно выразительные, реалистические. Наблюдается попытка передать детали лица – нос, бороду – и головные уборы. В. И. Равдоникасу даже показалось, что отдельные человеческие фигуры Залавруги довольно пластичны, они передают объем (в развороте туловища, изгибе очертаний, дополнительном внутреннем рельефе) и производят сильное художественное впечатление [Равдоникас, 1938. С. 31, 34].

Антропоморфных образов анфас всего девять: шесть на Залавруге, один на острове Ерпин Пудас (человек-белуха) и две маленькие фигурки людей-белушат (тюленей) на скале Бесовы Следки (см. рис. 5). Две из них – с поднятыми вверх руками в позе пляшущих человечков – находят близкие параллели в онежском комплексе. Еще два персонажа из группы Старой Залавруги (выбиты неподалеку друг от друга, меньшее изображение обнаружено автором в 2006 г.) весьма любопытны: у них расставлены ноги, руки с трехпалой кистью опущены вниз (см. рис. 5: 1–2). По мнению В. И. Равдоникаса, такие фигуры могут символизировать смерть, тем более что рядом помещено изображение змеи – символа подземного мира [Равдоникас, 1938. С. 45, табл. 2, 17, 54]. Там же в нижней части наскального полотна обособленно выбито не совсем обычное изображение как бы идущего мужчины с двумя ногами и закругленной рукой, касающейся лба. Оно профильное, но с развернутым положением туловища, придающим некий объем фигуре (см. рис. 5: 35).

Подавляющее большинство антропоморфных изображений Беломорья – это активно действующие охотники на морских и лесных животных, лыжники, персонажи, участвующие в каких-то шествиях и враждебных столкновениях (очень динамичные батальные сцены представлены только на скалах Залавруги, подобных им в других беломорских группах и на других объектах наскального искусства Север-

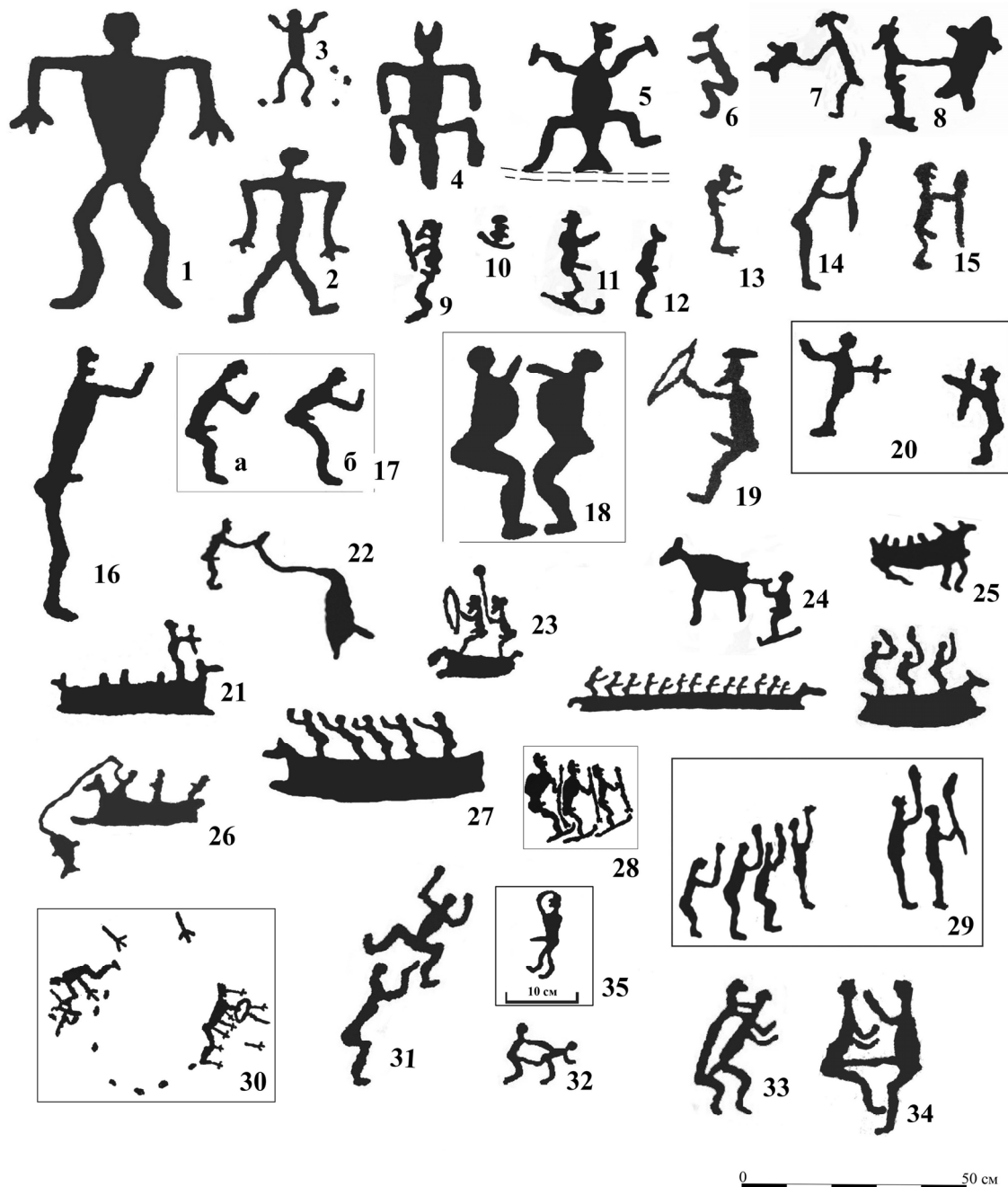

Рис. 5. Антропоморфные образы Беломорья. Фиг. №№ 3, 14, 176, 20, 26, 27, 29 публикуются впервые. Прорисовки автора

ной Фенноскандии нет), а также отдельные бытовые сюжеты (рис. 5–6). В руках людей луки со стрелами или копья, лыжные палки, изогнутые или утолщенные на конце предметы. Встречаются также одиночные персонажи без предметов в руках (Старая Залавруга, группа XV Новой Залавруги). В этих случаях у них руки согнуты и подняты вверх (см. рис. 5: 3). Не исключено, что это танцующие люди.

Мужские половые признаки (фаллосы) показаны у 75 фигур (обычно в процессиях, охотничьих и батальных сценах), больше всего на

Старой и Новой Залавруге. На самом деле мужских фигур намного больше, видимо, пол не всегда считали нужным подчеркивать. Так, например, в группе IV Новой Залавруги в сцене охоты на белуху с большой лодки только один человек из двенадцати (кормчий) – с фаллосом (см. рис. 6: 1). Трудно считать, что прочие участники охоты – женщины, тем более что у многих других есть бороды – выступы на лице.

Как и на Онежском озере, среди петроглифов Беломорья имеется один довольно крупный образ человека (Беломорский Бес), уникальный

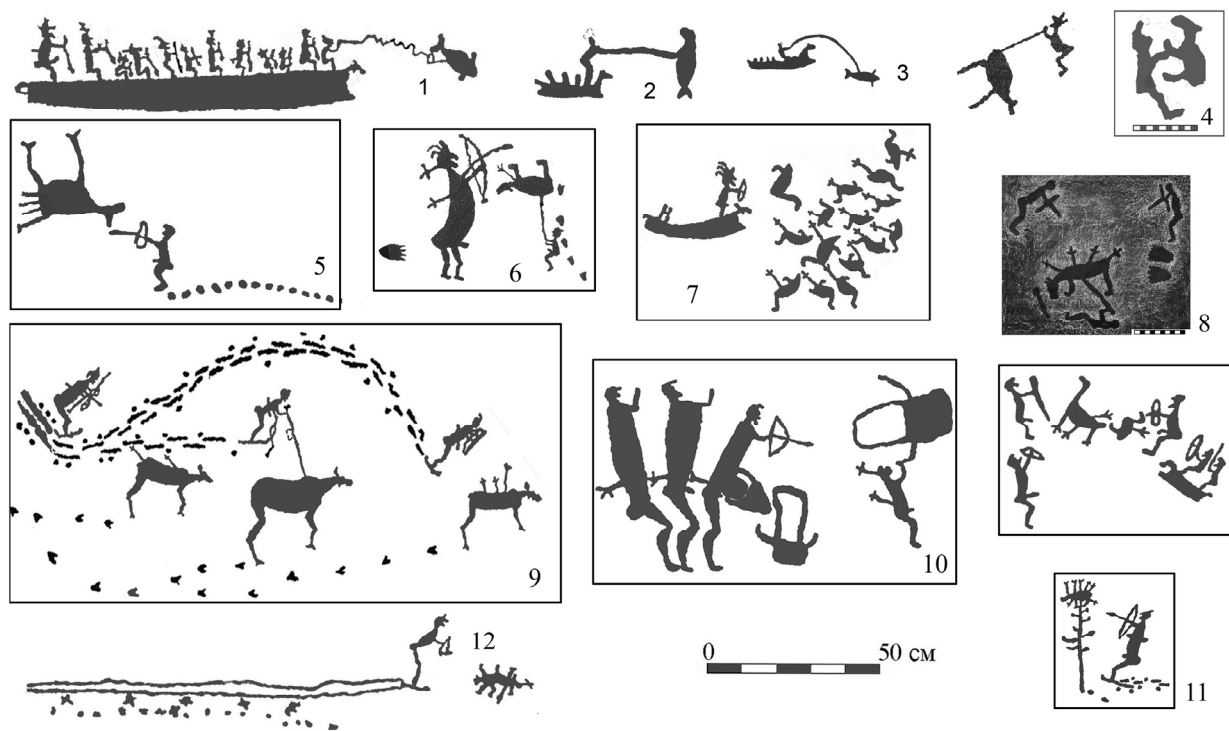

Рис. 6. Сюжеты Залавруги. Прорисовки и копия автора

по своим характеристикам (см. рис. 3: 3). У него мощное тело с горбатой спиной, по пять пальцев на руке и ноге, огромная ступня и гипертрофированный фаллос с более слабым рельефом, чем остальная фигура. Похоже, что эта часть тела добавлена позже. Четко выделены черты лица, непонятный отросток на голове. На груди поперечно-овальная выпуклость, чуть заглаженная (сердце?). Явных женских образов среди беломорских петроглифов мало; можно указать на яркую динамичную сцену, видимо, ритуального танца двух беременных женщин, обращенных лицом друг к другу (см. рис. 5: 18). Похожее по очертаниям (но частично утраченное) изображение можно найти на центральном мысе Бесова Носа (см. рис. 2: 42). Еще более удивительное сходство (как будто все фигуры были высечены одним мастером) прослеживается между онежской и беломорской сценами дефлорации. В них угадываются женские образы (см. рис. 4: 10; рис. 5: 31).

Сравнивая петроглифы Карелии, можно сказать, что северные рисунки больше отражают реальность в отличие от изображений онежского наскального комплекса, где чаще всего нет прямого отражения человеческой деятельности, оно более сложное, метафорическое, со значительными элементами фантазии.

Петроглифы озера Канозеро открыты в 1997 г., исследуются вплоть до настоящего времени [Лихачев, 2011]. Расположены в юж-

ной части Кольского полуострова на трех островах (Горелый, Еловый и Каменный), а также на материке (скала Одинокая). Исследователи предполагают, что нахождение новых изображений здесь все еще возможно. На 2012 г. зарегистрировано не менее 1200 отдельных выбивок в 18 группах [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 16, 290], т. е. количественный ресурс данного наскального комплекса сопоставим с онежским. Но, как уже отмечалось выше, здесь присутствуют разновременные материалы, выделены не менее пяти последовательных периодов петроглифической деятельности, имеющих свои технические и стилистические характеристики [Шумкин, 2004. С. 378].

Антропоморфные изображения этого памятника также представляют исключительный интерес. Они являются одним из ведущих мотивов (после лодок и следов), выявлены во всех крупных группах петроглифов. Без учета экипажей лодок насчитывают 146 фигур (12 % от общего числа), отличаются своеобразными признаками и многочисленными деталями, не характерными для других объектов наскального искусства Севера [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 291–297] (см. рис. 6). Среди них очень мало показанных в профиль (11). Каждый такой персонаж держит в руках какой-то предмет – топор в виде лосиной головы, копье, лыжную палку, рогатину, удочку (рис. 7: 24–26). Но луки и стрелы отсутствуют. Как и на Онежском озере, чаще всего на скалах

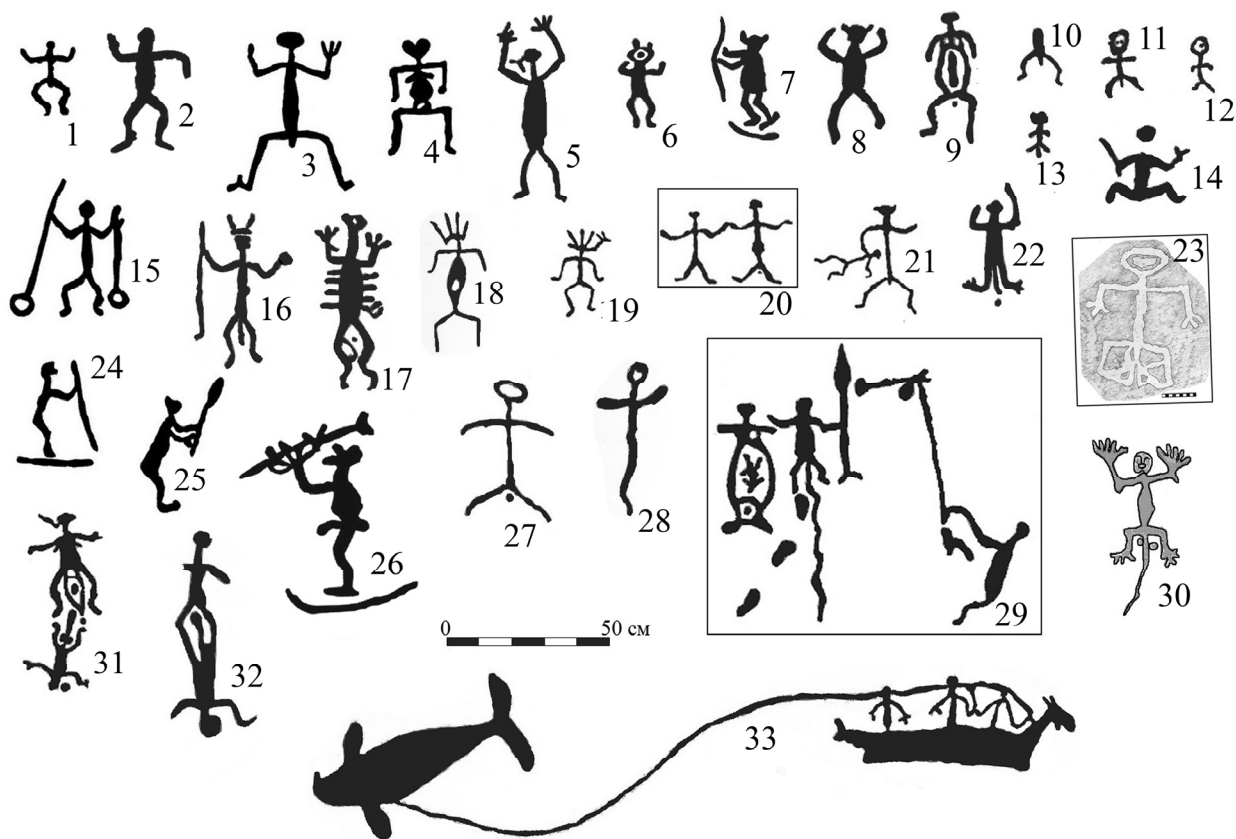

Рис. 7. Антропоморфные образы и композиции Канозера. Фиг. №№ 1–22, 24–30 даны по [Колпаков, Шумкин, 2012]; 23 – копия автора

выбивали фронтальные фигуры (рис. 7: 1–23, 29–30). Они отличаются большим разнообразием общих очертаний и мелких деталей, помещенных внутри фигуры или примыкающих к ним снаружи. Тут и «хвосты-фаллосы», тестикулы, вульва, женская грудь, непонятные отростки и т. д. Именно наличие ярко выраженных черт половой принадлежности относится к числу особенностей канозерских человекоподобных образов (см. рис. 3: 5–6). В целом пол можно определить более чем у трети фигур. Мужских не менее 37, женских примерно 20, в том числе изображения беременных (см. рис. 7: 29, левый персонаж). В руках женщин каких-либо предметов нет. Отметим и другие специфические черты некоторых антропоморфных образов: медвежья (?) форма головы, наличие пальцев не только на руках (от двух до шести), но и на ногах (см. рис. 7: 7–8, 3, 5, 30). Не менее интересны и довольно сложны для понимания композиции с людьми, отражающие, вероятно, тему продолжения рода (по определению исследователей – «бес с бабой» (см. рис. 3: 4; рис. 7: 31–32); как отмечается ими, данный сюжет занимает важнейшее место, но не находит пока параллелей ни в этнографии, ни в фольклоре [Колпаков, 2007. С. 19]), охоту на китов с лодок (рис. 7: 33).

Петроглифы Немфорсена изучаются более 200 лет [Hallström, 1960; Forsberg, 2000]. Памятники расположены на двух островах и материковой части у порогов на реке Онгерманельвен, ландшафты которой несколько напоминают низовья р. Выг. Г. Халльстрем зарегистрировал здесь 162 более или менее изолированных скопления, объединенных в 60 более крупных групп и включающих 1750 фигур. Из них 375 неясные или необъяснимые, а еще 300 представляют собой линии, незаконченные фигуры или их фрагменты. Какая-то часть петроглифов вообще исчезла. Исследователь допускает, что раньше их было более двух тысяч [Hallström, 1960. P. 128–139]. На данном памятнике выделяются различные хронологические слои, в целом, вероятно, охватывающие рамки эпох неолита – поздней бронзы. Всего Г. Халльстремом идентифицировано 1770 фигур. Изображения людей (87 без учета гребцов в лодках) на третьем месте после фигур лосей и лодок, но на них приходится лишь 5 % от общего числа. Они показаны в двух вариантах: линейные и с ромбовидными туловищами [Forsberg, 2000. P. 65] (рис. 8). Типичны изображения людей с так называемыми косами в руках, т. е. с орудиями (оружием) различных типов [Hallström, 1960. P. 320–324]. Большинст-

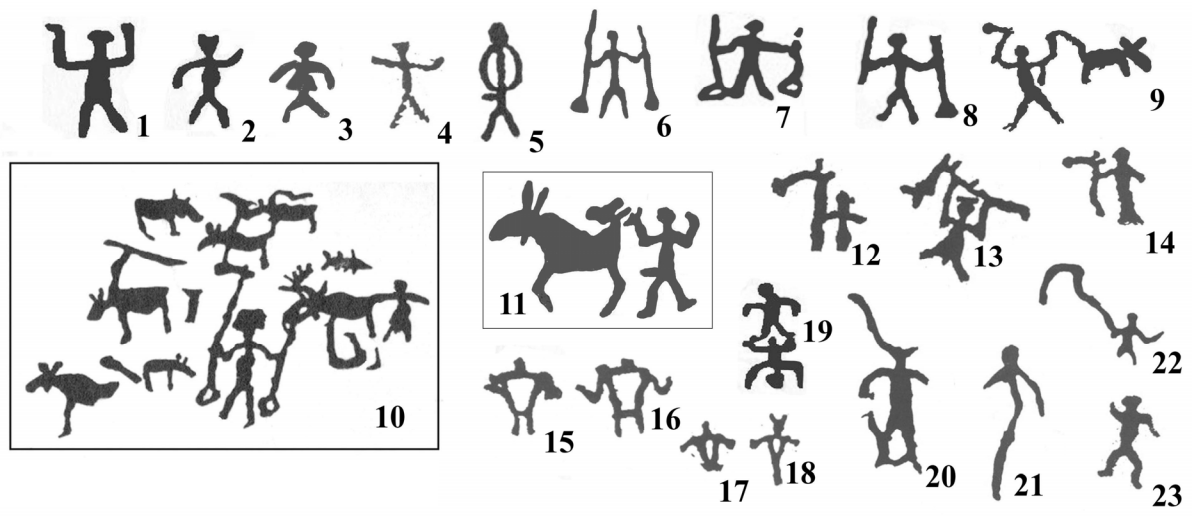

Рис. 8. Антропоморфные образы и композиции Немфорсена. Прорисовки по [Hallström, 1960]

во отличаются весьма простыми и примитивными очертаниями. Многофигурные композиции с людьми на памятниках Немфорсена редки, а детально разработанные сюжеты реалистического и иного характера практически не представлены.

Петроглифы Альты известны с начала 1970-х годов. Это крупнейший на севере Европы памятник, основные группы находятся в Хьеммелюфт и Кофьорде [Helskog, 1988]. Пет-

роглифы Кофьорда расчищены от почвы в 2003–2004 гг. Самые ранние выбивки Альты датируются примерно 4200 г. до н. э., а самые поздние — примерно 500 г. до н. э., хотя некоторые исследователи считают, что они появлялись здесь вплоть до 500 года н. э. [Simonsen, 2000]. Зафиксировано около шести тысяч отдельных изображений, статистические данные о количестве антропоморфных у нас отсутствуют (полной публикации петроглифических

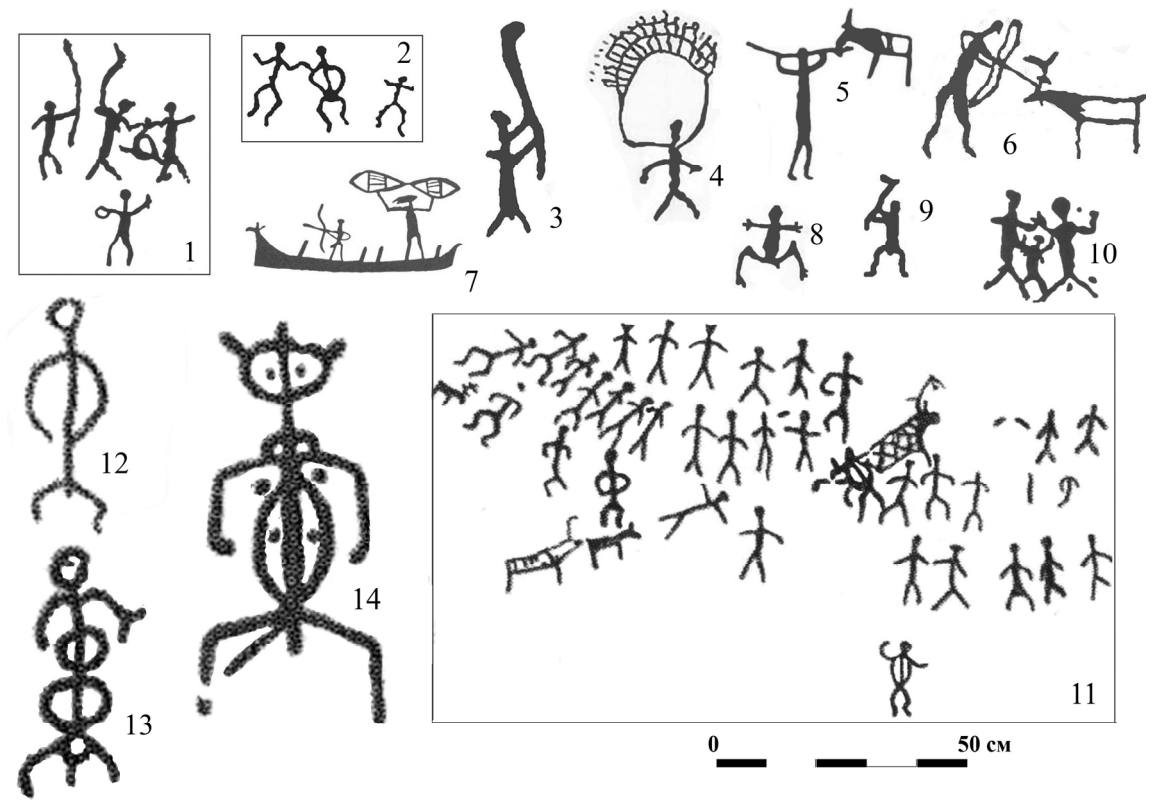

Рис. 9. Антропоморфные образы и композиции Альты. Прорисовки по [Helskog, 1988]

материалов Альтафьорда еще нет). Но они, бесспорно, являются одним из основных мотивов, хотя в процентном отношении их, наверное, меньше, чем на памятниках северо-запада России. Выделено два типа изображений людей: линейные и более реалистические силуэтные (рис. 9). Первые напоминают схематичных человечков, которых обычно рисуют дети. Они, как правило, показаны анфас с раскинутыми в стороны руками. Головы круглые, как силуэтные, так и контурные. Профильные фигуры довольно типичны, держат в руках палки, шести, топоры с лосиными головами и луки со стрелами. Различаются мужские и женские образы. Они находят аналогии на вышеописанных памятниках наскального искусства, правда, в меньшей степени на карельских и в большей – на комплексе озера Канозера, но в основном более примитивны по своим очертаниям. Поздние изображения людей заметно отличаются от ранних (см. рис. 3: 7–8). Наиболее выразительны сцены из повседневной жизни и показ религиозных ритуалов (см. рис. 9: 1–10).

Основные выводы

Наскальное искусство древних эпох содержит в себе уникальную информацию творческого мышления человека; в нем нередко отражены иррациональные элементы, еще более затрудняющие наше понимание и интерпретацию данного явления. Функции таких памятников могли быть самыми разными и неоднородными, но, скорее всего, с петроглифами были связаны какие-то периодические действия культового характера, которые проводились летом и о смысле которых можно строить малодоказуемые гипотезы и предположения.

На крупных локальных очагах наскального искусства Северной Фенноскандии образ человека, несомненно, стоит в центре внимания, в особенной степени на территории Карелии и Кольского полуострова. Нами проанализированы около тысячи антропоморфных изображений. В их числе нередко сходные и даже идентичные фигуры, но это не всегда свидетельствует о прямых контактах населения и заимствованиях наскальных традиций. Скорее можно говорить о сходстве общего порядка, поскольку похожие изображения людей встречаются в любом уголке планеты.

Наскальные рисунки Карелии являются однокультурными и более или менее одновременными памятниками со сходными сюжетами, заимствованиями и определенным влиянием друг на друга. Тем не менее свойственные им яркие особенности и художественные предпочтения

позволяют отличать один памятник от другого. Другие рассмотренные нами объекты наскального искусства (Кольский п-ов, Северная Скандинавия) имеют протяженную историю формирования и функционирования, содержат различные культурные и хронологические наслоения, которые еще требуют детального изучения и анализа. Сопоставление материалов тех и других памятников должно идти с учетом хронологии и конкретной их специфики.

Сюжетный анализ композиций с участием антропоморфных изображений дает представление о повседневной жизни древнего человека, о его мировоззрении, связи с животными, природой и космосом, позволяет выявить лишь общую мировоззренческую основу населения североевропейского региона. Наиболее детально проработанные и качественно выполненные реалистические композиции с участием людей представлены среди петроглифов Белого моря. В меньшей степени они отражены на Канозере и в Альте, почти не представлены в Немфорсене. Вместе с тем содержательная сторона антропоморфных образов, несмотря на обилие опубликованных данных, все еще остается самой сложной научной проблемой.

Источники и литература

- Архив Карельского научного центра РАН (в тексте – АKNЦ РАН).
- Георгиевский И. Ю., Лобанова Н. В. Каменная книга Севера. Петрозаводск: Петропресс, 2012. 96 с.
- Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
- Колпаков Е. М. Петроглифы Канозера: типологический анализ // Наскальная летопись Канозера. Кировск, 2007. С. 18–19.
- Лаушкин К. Д. Онежское святилище // Скандинавский сборник, 4–5. Таллин. 1959. 1962.
- Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: КАРГОСИЗДАТ, 1939. 194 с.
- Лихачев В. Рисунки Канозера. Открытие, изучение, сохранение. Апатиты, 2011. 126 с.
- Лобанова Н. В. Проблемы документирования петроглифов Карелии // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2010. № 4, вып. 1. С. 4–23.
- Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 1 (29). С. 127–135.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936. 213 с.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938. 167 с.
- Савватеев Ю. А. Залавруга, ч. 1. Л.: Наука, 1970. 444 с.

Савватеев Ю. А. Изображения людей в петроглифах Карелии // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.; Новосибирск, 1973. С. 284–300.

Шумкин В. Я. Наскальные изображения Кольского п-ова как часть монументального творчества Фенноскандии // Невский археол.-историогр. сб. СПб., 2004. С. 371–382.

Autio E. Shamans or something else. Horned Anthropomorphic Figures in Finnish Rock-Paintings // Adoranten. Tanum, 1998. P. 60–65.

Bednarik R. A new method to date petroglyphs // Archaeometry 34, 1991. P. 279–291.

Burkitt M. The Prehistory. Cambridge, 1921.

Forsberg L. The social context of the Rock Art in Middle Scandinavia during the Neolithic // Myandash. Rock Art in the ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. 288 p.

Grewingk C. Über die in Granit gerityten Dildergrupprn am Ostufer des Onega-Sees // Bulletin de la Classe des sciences historique, philosophique et politique de l'Academie des Sciences de St. Petersburg, 12. 1855.

Hallström G. Monumental art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm, 1960. P. 401.

Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. The Norwegian localities. Stockholm, 1938. P. 544.

Helskog K. Helleristninger I Alta. Spor etter ritualer og dagligliv I Finnmarks forhistorie. Alta: Alta Museum, 1988. 133 s.

Lahelma A. A touch of Red. Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // ISKOS 15. Helsinki, 2008.

Pajupuu K. Ihmisaihe Äänisen kalliopiiroksissa // Joutsenen kynällä. Äänisen kalliotaidetta 4000-2000 EKR. Tartu, 1990. P. 39–48.

Poikalainen V., Ernits E. The Rock Carvings of Lake Onega: the Vodla region. Tartu, 1998. 431 p.

Poikalainen V. Prehistoric Sanctuary at Lake Onega // Myandash. Pock Art in the Ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 242–287.

Stolyar A. Spiritual Treasures of Ancient Karelia // Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 128–173.

Simonsen P. North Norwegian Rock Art // Myandash. Rock Art in the ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 8–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лобанова Надежда Валентиновна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: nlobanova@sampo.ru
тел.: (8142) 760336

Lobanova, Nadezhda
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: nlobanova@sampo.ru
tel.: (8142) 760336